

Роберт Стура: зрители приходят в театр прямо с митингов

гастроли театр

Коммерсантъ - 2004 - 24 нояб. - с. 22

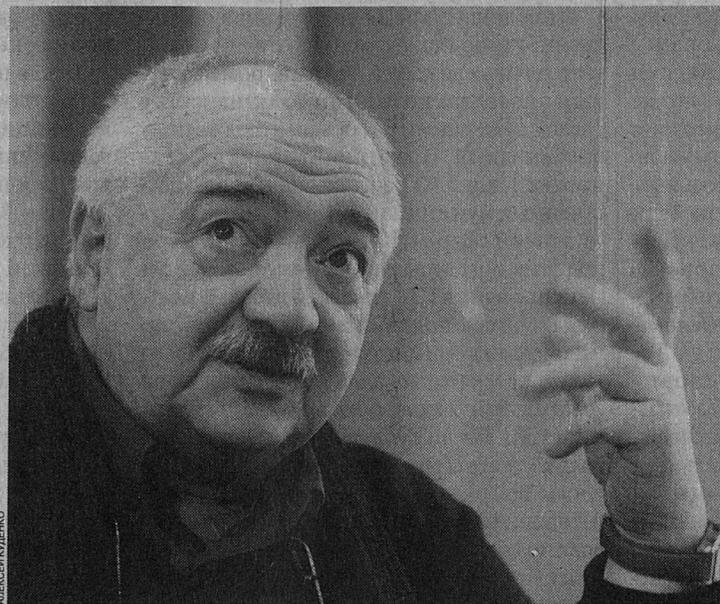
Завтра на сцене Театра киноактера в рамках гастролей тбилисского Театра имени Шота Руставели состоится мировая премьера музыкальной мистери «Стикс», поставленной Робертом Стурой на симфонию его постоянного соавтора Гии Канчели. Перед премьерой режиссер ответил на вопросы МАРИНЫ ШИМАДИНОЙ.

— В Москве ваш театр очень любят и всегда тепло принимают. Вчерашний «Гамлет», закончившийся овациями зала, показал, что ситуация не изменилась. Почему же некоторые ваши актеры не хотели ехать сюда на гастроли?

— Конечно, это было сказано сторяча. Просто недавно нашего хореографа, который работал в Петербурге с Марисом Липой, после спектакля избili на улице до полусмерти. И потом многие обижены отношением России к Грузии. В последнее время между нашими странами пробежала черная кошка.

— Изменилось ли положение вашего театра в новой Грузии?

— Сейчас мы по-прежнему на ремонте и живем за счет одного спонсора, который платит миллионы на ремонт театра и на зарплату нашим артистам. Но новое правительство обещает помочь и прибавить нам

бюджет. Мы планируем открыть театр в будущем сентябре премьерой «Витязя в тигровой шкуре» и одновременно справить 125-летний юбилей театра. У нас каждые 15 лет происходит смена поколений, меняется лицо театра. Сейчас я набираю новых артистов, чтобы поставить с ними «Потрясенную Татьяну» молодого драматурга Лаши Бугадзе, ее ставили у вас во МХАТе. А Егор Товстоногов будет ставить у нас другую пьесу Лаши Бугадзе — современную версию истории про Жанну д'Арк: там бедная деревенская девушка

слышит голоса, которые призывают ее идти и остановить войну в Чечне.

— Все-таки политика не чужда вашему театру?

— Жизнь вторгается в него помимо моей воли. Наш театр находится в центре города — на площади Руставели напротив Дома правительства, и все страшные события последних лет прошли под нашими окнами. Во время тбилисской войны театр чуть не сгорел, потом в него попала бомба. Например, «Стикс» мы впервые сыграли год назад во время «революции роз», и зрители прихо-

дили в театр прямо с митингов. Естественно, в этих условиях спектакль звучал по-особому. Мне потом говорили: как ты все это предвидел? Потому что там действительно есть вещи, очень похожие на то, что происходило в это время на улицах. Но Бог знает, я не хотел никаких политических ассоциаций. «Стикс» — это реквием, посвященный родителям композитора и его близким друзьям. Поэтому мы тоже решили посвятить спектакль тем людям, которые ушли из жизни в последние тяжелые для нашей страны годы, так и не поняв, что же с нами произошло. Вместе с актерами мы начали импровизировать, и постепенно все это превратилось в философский разговор о жизни и смерти, о любви, о государстве. — Вы как-то говорили, что не любите ставить оперу, так как она оставляет режиссеру минимум свободы. Работа с симфонической музыкой вам ближе?

— Я в интервью всегда говорю то, что думаю в тот момент, поэтому они часто противоречат друг другу. Но симфоническая музыка действительно дает большую свободу и в то же время обязывает найти адекватную визуальную форму музыкальной мысли. Например, в «Стикс» я вставил песню

«Smile» из фильма Чарли Чаплина в исполнении Майкла Джексона, она у нас превратилась в тему диктатора, хотя эта музыка очень сентиментальная. Мы очень волновались, как это воспримет Гия. Но он театральный человек, и он понял, что тут необходима совсем другая, немного ироничная стилистика.

— Обычно Гия Канчели пишет музыку для ваших спектаклей исходя из необходимости драматургии, а сейчас вы будто поменялись местами, и теперь режиссер идет за композитором.

— Я часто так делаю. Гия иногда мне приносит свою музыку просто так, и вдруг она наполняет меня новыми идеями. Иногда я использую его музыку в качестве драматургии. Когда 9 апреля 1989 года в Тбилиси войска разогнали с помощью газа демонстрацию за независимость Грузии, и 20 женщин погибли в этой потасовке, я к сорока дням сделал спектакль о судьбе Грузии на музыку первого концерта Гии Канчели, написанного для альты Юрия Башмета. Это был мой первый опыт мистериального театра. Спустя пять лет я поставил грузинскую азбуку. Это самостоятельное художественное произведение, написанное как стихотворение. Пер-

вые слова грузина состоят из двух гласных «аи» и «иа», что означает «вот фиалка». Когда как-то при Брежневте хотели сделать государственным языком русский, на площади Руставели проходили демонстрации, где на плакатах было написано всего два слова: «Аи» и «Иа». И было все понятно. Тот спектакль назывался «Евангелие от Якова», создателя грузинской азбуки. «Стикс» — мое третье обращение к такому типу спектаклей.

— Мы привыкли видеть ваши спектакли яркими, полными юмора, карнавальными. Литургический «Стикс» означает поворот в вашем творчестве?

— Я не романтик, я вижу жизнь трезво. Но я понимаю, что зрители должны выходить из театра с радостью. Да, нужно показывать жесткую действительность, но нужно и давать надежду. Но сейчас жизнь у нас сложная, и мне тоже иногда бывает не до праздников. Так что мои последние спектакли не такие жизнеутраченные, какими были раньше. Но все-таки мы, грузины, относимся ко всему с юмором. Иногда хочется и во время чумы праздника. Поэтому и в «Стиксе» не все так безнадежно. Финал у нас получился оптимистичным.

Кармелин Ивга

АЛЕКСЕЙ КИЗЕНКО